

Те оскорбительные посты, намеренно распространяемые слухи, истории, выдуманные анонимными одноклассниками на форуме ради забавы, и те полные отвращения комментарии... Я получал множество сообщений и странных звонков, насмешливых, оскорбительных, наполненных похабщиной. Они подставляли моё имя в абсурдные похабные истории, называли меня продажным, угрожали, что разденут меня догола, как только я появлюсь в школе, и заставят стоять на коленях в туалете, как их собаку... Все зимние каникулы я пытался оправдаться и сопротивляться.

Но я ничего не мог сделать. Теперь уже не требовалась поддержка Сюэ Кэмин. Я не знал, сколько моих одноклассников видели это и даже оставляли комментарии, присоединяясь к насмешкам. Этот карнавал уже невозможно было остановить.

Мне было так больно. Я не хотел возвращаться в класс, не хотел встречать их взгляды, не хотел идти в школу.

Но я тихо кивнул, слёзы стекали по моим щекам, и я быстро смахнул их:

— Я понял, спасибо, учитель.

Я прошёл сквозь толпу, словно был опасным зверем, заставляя окружающих поспешно отступать. Я видел, как кто-то с любопытством смотрел на меня, кто-то доставал телефон и тайком фотографировал, я слышал, как кто-то спросил шёпотом: «Это Сюй Цзюньянь?», я чувствовал... злобу, витавшую в воздухе.

Сюэ Кэмин стояла, опершись на перила коридора, окружённая несколькими болтливыми девушками, которые образовывали вокруг неё маленький кружок. Я остановился недалеко от неё, она повернула голову и встретилась со мной взглядом, улыбнувшись мне с тем значением, которое понимали только мы двое.

Она была яркой и привлекательной отличницей, а я — опозоренным и измученным гомосексуалистом. Что, если бы я убил её? В моменты отчаяния, глубокой ночью, я даже думал об этом. Я не хотел просто покончить с собой, по крайней мере, я бы забрал её с собой. Но что бы это изменило? Даже после смерти я бы остался с клеймом, о котором говорили в слухах, и ещё получил бы титул злобного сумасшедшего. Но я не хотел умирать... И я не хотел так жить.

Даже если бы я сейчас бросился к ней и сказал, что это она всё организовала, никто бы не поверил. Я ясно это понимал.

Какая красивая, умная, образцовая девочка.

Она победила.

Когда Ян Чэнь впервые появился в классе во втором полугодии третьего года обучения, уже наступила весна.

В это время все вокруг сменили зимнюю одежду под школьными пиджаками, только я по-прежнему плотно кутался в пуховик. За окном класса были свежие зелёные ветви, сквозь стекло они отбрасывали лёгкий и туманный зелёный свет.

Я думал, что он не придёт. Пока его тяжёлый рюкзак не упал на стол рядом со мной, и Ян Чэнь, с раздражением только что проснувшегося, отодвинул стул и сел, швырнув учебник на стол. Эта серия действий издала немало шума, некоторые одноклассники посмотрели в нашу сторону, но, встретившись с его холодным, почти свирепым взглядом, опустили глаза и

продолжили утренние занятия. Слухи всё ещё витали в воздухе, но с приходом Ян Чэня они тихо осели.

Ян Чэнь выдохнул, бросил на меня взгляд, его длинные пальцы небрежно играли с уголком страницы учебника, и я услышал его слова:

— Почему ты не связался со мной на каникулах?

Тонкий весенний свет падал в его узкие и красивые глаза, и я тихо ответил:

— Потому что кое-что произошло.

— Да? — он равнодушно сказал, но вдруг, словно что-то вспомнив, достал из рюкзака аккуратно упакованный маленький подарок. — Кстати, это тебе.

Я не протянул руку, чтобы взять его. Я ждал, когда он спросит. За эти каникулы я не связывался с ним, никак. Я сбрасывал его редкие звонки и не отвечал на те несколько сообщений, которые он отправлял, словно мимоходом.

Почему ты не спрашиваешь? Спроси, что произошло, хотя бы одно слово, одно продолжение...

— Не стесняйся, бери. — Он поднял бровь, говоря лёгким и радостным тоном. — Я принёс это для тебя, посмотри, понравится ли.

Как и раньше, каждый раз, когда он заходил слишком далеко, он оставлял что-то в моём столе, как скрытое извинение и попытку наладить отношения. Ян Чэнь действительно был достаточно щедрым, даже такие мелкие подарки были гораздо дороже моих карманных денег, включая даже бесполезные для меня украшения. Я не хотел принимать эту неравноценную щедрость, но когда я возвращал подарок, он прямо на моих глазах разбил часы вдребезги.

— Бери, когда дают, мне что, жалко? — он так говорил. — Тем более, ты...

Эти вещи для него ничего не значили. Те слова, которые он тогда проглотил, вероятно, были: «Тем более, ты просишь гораздо меньше, чем другие». Теперь я это понял.

— Не надо. — Я хотел просто отказаться, но, глядя на его выразительное лицо, не смог удержаться и тихо объяснил. — Правда, не надо, я тоже не приготовил тебе подарок, забери обратно...

Ян Чэнь, к моему удивлению, не разозлился, он поднял подбородок, прерывая меня:

— Ладно, хватит болтать, открой и посмотри.

Я опустил глаза на заживающие раны на своих ладонях. Бинты сняли недавно, правый глаз всё ещё плохо видел. Подарок был завязан аккуратным бантом, гладкая лента естественно свисала, Ян Чэнь нетерпеливо подгонял меня в ухо:

— Открывай, чего тянешься?

Гнев и боль в груди готовы были вырваться наружу, мои пальцы дрожали, и я сам не знал, хочу ли я ударить Ян Чэня или развязать ленту на подарке... К счастью, вовремя появился классный руководитель, чтобы проверить утренние занятия, я опустил руку на стол, отодвинул подарок в его сторону:

— Давай сначала позанимаемся, учитель уже здесь. Откроем на перемене, хорошо?

— Зануда. — Он недовольно скривил губы, но всё же положил подарок в мой стол. — Не забудь открыть на перемене, никому не показывай.

В тот день Ян Чэнь не остался до конца утренних занятий, он откинулся на стуле, ответил на звонок, собрал вещи и снова собрался уходить, перед уходом сказал мне:

— Эй, в классе слишком много людей, ты открой дома, понял?

Я без выражения смотрел на учебник, не отвечая ему. Он вдруг, словно в шутку, наклонился к моему уху, его дыхание коснулось моей шеи:

— Сюй Цзюньянь, я ухожу, слышишь?

Я замер, не ожидая, что он осмелится вести себя так легкомысленно перед столькими людьми, не зная, сколько новых необоснованных слухов это вызовет... Я даже не мог пошевелиться, пока он с усмешкой щёлкнул меня по лбу:

— Ты такой тупой, до встречи.

Когда он легко вышел из класса, я медленно опустился на стол, накрыв лицо учебником, но всё равно не смог заглушить мгновенно поднявшийся шёпот. Я уткнулся головой в телефон, проверяя сообщения, и наконец получил ответ от Линь Я.

[В восемь тридцать вечера я тебя отведу.]

Экран телефона потускнел, тускло отражая зелёные ветви за окном, я закрыл глаза, притворяясь, что ничего не слышу.

Весна всё ещё была такой холодной.

Сюэ Кэмин сказала мне:

— Раздевайся.

Я расстегнул молнию на школьном пиджаке и снял его, но мои пальцы так дрожали, что я не смог аккуратно сложить его. Кто-то вырвал одежду из моих рук и бросил на пол, я слышал их презрительные выкрики:

— Раздевайся! Раздевайся!

— Ты же продажный, разве не умеешь раздеваться?

Я опустил голову, глядя, как белый пиджак топчут их дорогие ботинки. Сняв тяжёлый пуховик, я, покачиваясь от их толчков, попытался удержать равновесие и начал расстёгивать пуговицы на рубашке.

Одна. Другая.

Среди оглушительной музыки я слышал, как разбиваются последние остатки моего достоинства.

Ещё одна.

Последняя пуговица была расстёгнута, больше не было причин тянуть время. Эти несколько секунд растянулись для меня в целую вечность, я ощущал, будто прожил целый век, хотя на самом деле прошло всего несколько мгновений. На моём теле ещё были не зажившие синяки, я слышал щелчки затвора камеры, стены этой комнаты были покрыты зеркалами, и даже опустив голову, я видел, как кто-то снимает на видеокамеру. Их презрительные взгляды впивались в моё тело, кто-то сильно сжал мою руку, оставив кровавые следы, они смеялись и шумели, разноцветные лампы превратили это место в причудливый ад.

А Сюз Кэмин сидела в самом центре, с самого начала подняв изящный подбородок, спокойно наблюдая за мной.

— И брюки. — Девушка, ласково обнявшая её за руку, подобострастно сказала. — Снимай брюки! Правда, Кэмин?

— Ты такая развратная! Хочешь посмотреть, как он раздевается!

— Тогда не смотри!

— Нет, я не пропущу такое зрелище.

— Как выглядит член у гомосексуалиста, не забудь сфотографировать!

— Эй, тебе сказали раздеться догола, ты не слышишь?

<http://bllate.org/book/16832/1548364>